

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

5
... МЫ ПРИШЛИ сюда втроем — заведующий кабинетом творчества М. Шолохова в Ростове-на-Дону, журналист Константин Прийма, наш фото-корреспондент и я. Мы знали, что сейчас встретимся с человеком, чья неутомимая трудоспособность и многосторонняя деятельность вошли в поговорку среди музыкантов. И было неловко оттого, что мы решились ворваться в жесткое расписание трудового дня композитора, общественного деятеля, секретаря Союза композиторов Российской Федерации.

С первых же минут беседы мы замечаем, как внимателен Шостакович. Он напряженно всматривается, вслушивается в каждого из нас, словно боится, что человек уйдет, а впечатления от него не останутся.

Шостакович только вчера вернулся из Ленинграда и через несколько дней вновь должен отправиться в дорогу. На этот раз — в Ялту, где сейчас идут съемки нового двухсерийного фильма «Карл Маркс».

— Рошаль просит, чтобы я приехал в Ялту, — Дмитрий Дмитриевич вздыхает. Но уже ясно: он поедет. Он не может не ехать. Он уже сейчас думает о музыке к фильму. Он должен видеть все — репетиции, съемки, войти в ритм работы съемочной группы, стать членом коллектива создателей киноэпопеи о Марксе. Только тогда музыка станет действующим лицом. Так было в каждом фильме, для которого писал Шостакович. Так было в «Гамлете».

Музыка к этому фильму стала событием времени. Англичане признавались, что потеряли всю свою традиционную сдержанность, аплодируя Козинцеву, Смоктуновскому и Шостаковичу во время показа «Гамлета» на торжествах, посвященных 400-летию юбилею Шекспира.

КАЖДОЕ новое произведение Д. Шостаковича неизменно вызывает взрыв споров, восхищения, отзвонков, но они никогда не становятся темой для «светских» бесед. О них говорят, потому что это переполняет; нужно поделиться, еще и еще раз разобраться в громадном впечатлении от сильной, вырывающейся наружу динамики композиторского письма, от ритмов, которые захватывают с первых же тактов и не отпускают слушателя еще долго после того, как отзвучит финал.

Кто-то хорошо сказал, что Шостакович «однажды удивив мир, не дает ему отвлекаться».

В самом деле, еще свежо впечатление от последних симфоний, от музыки к фильму «Гамлет», а уже «на выданы» два квартета, премьеры которых в эти дни готовит композитор.

— Расскажите о ваших новых квартетах, — прошу я его. Шостакович отшучивается, но глаза — обеспокоенные.

— Я — суеверный человек, — смеется он. — Пусть музыка скажет сама, если ей есть, что сказать. Скоро мы их сыграем, и тогда... можно говорить.

Он снова сказал «мы». И так — каждый раз, когда речь идет о его

Творческий портрет Д. Д. Шостаковича

произведениях. Композитор не мыслит себя в отрыве от исполнителей. Он может сколько угодно говорить о тех, кого считает сотворцами своих произведений: о музыкантах, дирижерах, режиссерах, актерах. И сейчас, когда мы говорим о новых его квартетах, Шостакович выглядит растерянно, словно студент консерватории на государственном экзамене.

Я невольно вспомнил недавние встречи с другими виднейшими ма-

стерами искусств. Вот так же по-юношески взволнованно выглядит в эти дни Ю. Завадский, который готовится после длительного перерыва выйти на сцену театра в качестве актера в молодежном спектакле своей студии. И Б. Смирнов, играя роль В. И. Ленина в течение восьми лет, за два-три дня до спектакля нервничает, словно перед дебютом. Не эта ли трепетность, сохранившаяся в пору зрелого мастерства, определяет во многом подлинно большого художника?

И СНОВА Шостакович взволнован и озабочен. Он жадно вслушивается в интересный рассказ К. Приймы о его исследованиях по творчеству М. А. Шолохова. Ростовчанин рассказывает о новых материалах по истории казачьего восстания на Дону в период гражданской войны. Дмитрий Дмитриевич просит передать ему эти материалы и, пересматривая их, говорит:

— Это — большая работа и большая честь для меня... Я буду поддерживать связь с вашим кабинетом творчества Шолохова. Ведь впереди у меня опера «Тихий Дон». Сейчас мы заканчиваем работу над либретто. А в 1966 году думаю закончить оперу...

— Какие же события «Тихого Дона» войдут в либретто?

— Сейчас об этом сказать трудно. Очевидно, наиболее драматические. Мы берем за основу материалы третьего и четвертого томов романа.

Третий и четвертый тома «Тихого Дона» — это образ стихий, разбушевавшихся на Дону во время революции и гражданской войны, образ казачества, трудно, но прочно осознавшего значение Советской власти.

Творчество Д. Шостаковича — своеобразная музыкальная летопись революции. Композитор чутко откликается на революционное прошлое и на нашу современность, ощущая их непосредственно, объемно и многообразно.

От крупных произведений, таких, как Вторая симфония («Посвящение Октябрю»), Пятая, Седьмая и Одиннадцатая (1905 год) симфонии, от музыки к киномувию о Максиме, «Встрече на Эльбе» — до солнечной, полной утренней свежести песни из фильма «Встречный»... Эта песня оказалась близка не только нашей юности. В Швейцарии, например, ее поют как народную песню и с удивлением узнают, что она написана Шостаковичем.

Его «Песня о фонариках» и «Песня о мире» остались пусть в ином жанре, пусть штрихом, но музыкальным образом поколения советских людей времени Великой Отечественной войны рядом со знаменитой Седьмой (Ленинградской) симфонией.

И еще: казалось невероятным, Шостакович и... оперетта! Но его «Черемушки» — это тоже живой отклик на сегодняшний день, результат доброго восхищения трудом своего народа. Опера «Тихий Дон» и музыка к фильму «Карл Маркс» — новые страницы многолетнего собрания сочинений выдающегося композитора на революционную тему, его подарок к пятидесятилетию Великого Октября.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с Дмитрием Дмитриевичем в напряженные часы его работы в Союзе композиторов. Неудобно было просить его сесть за рояль. Но, беседа с нами, Шостакович едва заметными прикосновениями пробежал по клавишам. И мы обратили внимание на чудесное превращение его рук. В обычной жизни эти руки, казалось, причиняют неудобство композитору, выдают его нервный ритм, почти ребяческую скромность. Но когда Шостакович касается клавиш, от его рук уже нельзя оторваться. И мне вспомнились слова покойного Г. Нейгауза: «К именам крупнейших пианистов в наше советское время необходимо прибавить имена Прокофьева и Шостаковича».

... МЫ ПРОЩАЕМСЯ с Шостаковичем. Впрочем, «прощаемся» — не то слово. Можно ли проститься с человеком, чья музыка окружает вас каждый день? Есть композиторы, творчество которых стало приметой времени, неотъемлемой частью какого-то периода в жизни человечества. Творчество Д. Д. Шостаковича — всегда молодо и современно. Оно созвучно сегодняшнему дню и нынешнему поколению молодежи так же непосредственно, как поколению тридцатых годов, времени его композиторского восхода.

А. КРАВЦОВ.